

Информация для цитирования:

Бабенко Л. Г. Разговорная эмотивная лексика русского языка в аспекте полипарадигмальности : лексикографический аспект (на материале словаря-тезауруса «Алфавит эмоций») / Л. Г. Бабенко, В. В. Данилова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 9—34. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-9-34.

Babenko, L. G., Danilova, V. V. (2024). Colloquial Emotive Lexicon of Russian in Aspect of Polyparadigmality: Lexicographic Perspective (Thesaurus Dictionary “Emotion Alphabet”). *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 9-34. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-9-34. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Разговорная эмотивная лексика русского языка в аспекте полипарадигмальности: лексикографический аспект (на материале словаря-тезауруса «Алфавит эмоций»)

Бабенко Людмила Григорьевна
orcid.org/0000-0002-9250-3232
доктор филологических наук,
заведующая лабораторией компьютерной
лексикографии, профессор кафедры
фундаментальной и прикладной
лингвистики и текстоведения
корреспондирующий автор
lgbabenko@yandex.ru

Данилова Виола Валерьевна
orcid.org/0009-0007-6803-9242
магистрант, ассистент кафедры
фундаментальной и прикладной
лингвистики и текстоведения
viola-danilova@mail.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 22-18-00352,
<https://rscf.ru/en/project/22-18-00352/>

Colloquial Emotive Lexicon of Russian in Aspect of Polyparadigmality: Lexicographic Perspective (Thesaurus Dictionary “Emotion Alphabet”)

Liudmila G. Babenko
orcid.org/0000-0002-9250-3232
Doctor of Philology, Head
of Computer Lexicography Laboratory;
Professor, Department of Fundamental
and Applied Linguistics and Textology
Corresponding author
lgbabenko@yandex.ru

Viola V. Danilova
orcid.org/0009-0007-6803-9242
Master’s degree student, assistant lecturer,
Department of Fundamental and
Applied Linguistics and Textology
viola-danilova@mail.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00352,
<https://rscf.ru/en/project/22-18-00352/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию разговорной эмотивной лексики русского языка в аспекте полипарадигмальности. Изучены особенности ее категоризации, концептуализации и интерпретации с позиций разных научных подходов. Анализ разговорной эмотивной лексики в русском языке осуществлен в сопоставлении со множеством нормативной литературной лексики, представленной в словаре-тезаурусе «Алфавит эмоций». В нем та и другая лексика в совокупности составляет 11 210 единиц анализа, 2073 лексемы из которых — разговорная эмотивная лексика. Она рассматривается в пространственном измерении как лексико-семантическое пространство, внутренняя структура которого конструируется в горизонтально-вертикальном измерении на пересечении лексических множеств разговорной эмотивной лексики разной природы. В процессе ее изучения использовался комплекс лингвистических методов: статистическое описание, структурно-семантический, функционально-семантический, денотативно-идеографический, лингвокогнитивный и другие методы анализа. Это позволило представить разговорную эмотивную лексику как пересекающееся множество различных групп лексем: денотативно-идеографических, когнитивно-derivационных, семантико-функциональных, функционально-стилистических. Выявлены тенденции и когнитивные стратегии формирования этого множества в сопоставлении с литературным языком. В перспективе результаты исследования будут использованы при создании словаря-тезауруса эмотивной разговорной лексики.

Ключевые слова:

эмоции; эмотивная разговорная лексика; полипарадигмальность; разговорная речь; лексикография.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the study of colloquial emotive lexicon of the Russian in the aspect of polyparadigmality. The peculiarities of its categorization, conceptualization, and interpretation are examined from the perspectives of various scientific approaches. The analysis of colloquial emotive lexicon in the Russian is conducted in comparison with a multitude of normative literary lexicon presented in the thesaurus dictionary 'Emotion Alphabet.' Together, they comprise 11,210 units of analysis, with 2,073 lexemes belonging to colloquial emotive lexicon. It is considered as a lexical-semantic space in a spatial dimension, with its internal structure constructed in a horizontal-vertical dimension at the intersection of lexical sets of colloquial emotive lexicon of different nature. The study employs a complex of linguistic methods, including statistical description, structural-semantic, functional-semantic, denotative-ideographic, linguistic-cognitive, and other methods of analysis. This allows for presenting colloquial emotive lexicon as an overlapping set of various groups of lexemes: denotative-ideographic, cognitive-derivational, semantic-functional, and functional-stylistic. Trends and cognitive strategies in the formation of this set are identified in comparison with literary language. The results of the study will be used in the future for creating a thesaurus dictionary of colloquial emotive lexicon.

Key words:

emotions; colloquial emotive lexicon; poly-paradigmality; colloquial speech; lexicography.

УДК 811.161.1'374.221

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-9-34

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Разговорная эмотивная лексика русского языка в аспекте полипарадигмальности: лексикографический аспект (на материале словаря-тезауруса «Алфавит эмоций»)

© Бабенко Л. Г., Данилова В. В., 2024

1. Введение = Introduction

Статья посвящена изложению результатов исследования разговорной эмотивной лексики (ЭЛ) в полипарадигмальном освещении, что соответствует общей ситуации развития современной лексической семантики и лексикологии в целом. Наступившие десятилетия начала XXI века говорят об изменении ориентиров изучения разговорной речи (далее — РР), о появлении новых аспектов и подходов, о постановке новых проблем ее изучения, что, по мнению крупнейшего специалиста в этой области Л. П. Крысина, обусловлено прежде всего процессами в самой структуре РР периода первой трети XXI века. К ним относятся разные явления: расширение состава лексики РР, появление новых номинаций, архаизация многих слов в связи с утратой обозначаемых ими явлений, размывание границ между лексикой различных функциональных стилей, проникновение в РР единиц просторечия и жаргона и др. Кроме того, по мнению Л. П. Крысина, «расширилась сфера применения РР: наряду с бытовыми, обиходными ситуациями, наиболее типичными для функционирования этой разновидности литературного языка, в круг ее активного использования вовлекаются и некоторые формы публичной коммуникации. Разговорная, просторечная, жаргонная лексика, синтаксис, характерный для устного дискурса, — обычное явление не только во всех видах бытового общения, но и в публичных сферах, в средствах массовой информации» [Крысин, 2014, с. 10]. Все эти факты свидетельствуют об актуальности изучения РР в настоящее время, которая сформулирована Л. П. Крысиным следующим образом: «Весьма актуальным становится изучение лексических ресурсов и особенностей русской РР, то есть, в част-

ности, словарное ее описание. Надо подчеркнуть, что при достаточно большом числе исследований, посвященных русской разговорной речи, ее лексикографическое описание как подсистемы литературного языка еще только начинается» [Там же]. Успешное начало указанного процесса ознаменовано изданием четырех выпусков фундаментального лексикографического труда — «Толкового словаря русской разговорной речи», подготовленного коллективом ученых-лексикографов Института русского языка РАН, ответственным редактором которого является Л. П. Крысин [ТСРРР]. Для коллектива Уральской семантической школы, основная деятельность которой связана с созданием идеографических словарей разных типов, в русле которой разрабатывается и представленный проект создания словаря русской разговорной эмотивной лексики русского языка, указанный Л. П. Крысиным тезис о необходимости и актуальности именно лексикографического описания РР является важным и значимым.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Данное исследование связано с разработкой концепции и созданием в перспективе дифференциального словаря-тезауруса эмотивной разговорной лексики, основой словника которого станут при его конструировании и материалы словаря-тезауруса эмотивной лексики «Алфавит эмоций» [Бабенко, 2021] (далее — СТЭЛ), и материалы других словарей. Таким образом, оно, во-первых, основано на уже созданном словаре-тезаурусе эмотивной лексики, который содержит полное описание основного фонда эмотивной лексики литературного языка, дополненного эмотивной лексикой всех функционально-стилистических разновидностей, включая разговорную, разговорно-сниженную лексику и жаргон. Во-вторых, оно предполагает формирование нового целостного множества — мегапарадигму разговорной эмотивной лексики русского языка, извлеченной из словаря [СТЭЛ] с целью создания нового словаря дифференциального типа — словаря разговорной эмотивной лексики, создание и конструирование которого будет осуществляться с проекцией на основной полный вариант словаря [Там же].

Статья посвящена рассмотрению разговорной эмотивной лексики как самостоятельного лексико-семантического пространства, внутренняя структура которого конструируется в горизонтально-вертикальном измерении на пересечении лексических множеств эмотивной лексики разной природы, выделяемых на основе разных научных подходов: структурно-семантического, функционально-семантического, денотативно-идеографического, лингвокогнитивного, интерпретационного, применяемых

с целью ее многоаспектной категоризации и систематизации. Фактически объектом рассмотрения одновременно являются материалы изданного словаря — нормативная эмотивная лексика литературного русского языка, представленная в словаре «Алфавит эмоций» [СТЭЛ], — и разговорная эмотивная лексика русского языка, извлеченная из того же словаря, которые рассматриваются в сопоставлении с учетом принципа полипарадигмальности. В качестве основного *материала* исследования избрана разговорная эмотивная лексика, извлеченная из словаря-тезауруса «Алфавит эмоций» в количестве 2073 единиц. В процессе исследования использовался комплекс лингвистических методов анализа: статистическое описание (количественные подсчеты), структурно-семантический, функционально-семантический, денотативно-идеографический, лингвокогнитивный и другие методы семантического анализа.

Предмет исследования в данной статье — эмотивная лексика русского языка, употребляемая в разговорной речи и рассматриваемая в аспекте полипарадигмальности, в соотнесенности с корпусом нормативной эмотивной лексики, также содержащемся в словаре «Алфавит эмоций». **Целью** исследования является обнаружение особенностей категоризации, концептуализации и интерпретации разговорной эмотивной лексики, которые выявляются на основе сопоставления этого множества слов с нормативной литературной лексикой аналогичного семантического класса, представленного в словаре-тезаурусе «Алфавит эмоций».

Активное изучение русской РР как особой формы национального языка началось во второй половине XX века, когда ученые-лингвисты обратили внимание на необходимость изучения проблемы несовпадения кодифицированного литературного языка и неподготовленной устной речи. В процессе разработки этой проблемы возникли основные научные центры по изучению РР — Саратовский университет и Институт русского языка РАН, на основе которых в дальнейшем сформировались две известные научные школы: Московская [Ермакова, 1999; Земская, 1973, 1978, 1981; Капанадзе, 1978; Китайгородская, 1981, 1995; Никитина, 2006; Розанова, 1978, 1995; Ширяев, 1981 и др.] и Саратовская [Сиротинина, 1974; Кормилицына, 1972 и др.]. Ключевыми проблемами на начальных этапах исследований РР стали вопросы о статусе и месте РР в системе кодифицированного литературного языка, об использовании термина *разговорная речь*, его содержании и осмыслении.

Следует отметить, что в указанный период предметом изучения были не только активно разрабатываемые концепции в области исследования феномена РР, ее структурной и функциональной организации, но и новые теоретические и практические аспекты ее изучения в контексте акту-

альных для конца XX века научных парадигм, обусловивших динамику их развития. Так, интерес саратовских ученых к процессу изучения РР в дискурсивном освещении привел их к необходимости разработки теории речевых актов и жанров, к развитию нового направления — речеведения, генристики, а исследования РР ученых московской школы в большей степени были нацелены на отображение и оформление полученных теоретических результатов в лексикографических параметрах. К концу XX — началу XXI веков были опубликованы словари РР, подготовленные разными авторами и авторскими коллективами и воплощавшими лексикографические варианты интерпретации РР как разговорной экспрессивной речи [Химик, 2004], разговорного русского языка [Курилова, 2007], русского сленга [Елистратов, 2005], русского жаргона [Ермакова, 1999], молодежного сленга [Никитина, 2006] и мн. др. Как видим, в области изучения разговорной речи сформировались определенные устойчивые традиции, которые в то же время в процессе динамического развития в течение последних пятидесяти лет были дополнены новациями как в теоретическом осмыслении РР с различных научных позиций, так и в практическом применении — в конструировании словарей РР новых типов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лингвокогнитивный аспект

Вся лексика словаря [СТЭЛ] — это объемное поличастеречное множество слов, отображающих эмоциональную сферу человека и выражающих знания об эмоциях, что позволяет рассматривать его как когнитивно-дискурсивное множество слов (далее — КДМ). Она извлечена из общего лексического фонда русского языка с опорой на суперклассификаторы *чувство / эмоция* и их варианты: *чувствовать, испытывать, исполненный чувства, наполненный им, выражающий чувства* и под. Это множество отличается не только семантико-грамматическим разнообразием, но и семантической, функционально-семантической неоднородностью, а также функционально-стилистической «разношерстностью», что приводит к сложной структурной организации словаря, состоящего из пересекающихся лексических парадигм, и что обуславливает полипарадигмальность в качестве основного принципа их описания. Лингвокогнитивные особенности этого множества эмотивной лексики будут выявлены при его описании с учетом различных научных подходов.

Словник словаря [СТЭЛ] содержит 11 210 единиц описания: 2073 единицы РР, что составляет 18 % от общего количества лексем, и 9137 единиц нормативного литературного языка (далее — НЛЯ), составляющих 82 %.

В данном исследовании анализируемое лексическое множество РР будет предметом сопоставления с лексическим множеством НЛЯ, осуществляющегося по тем же аспектам и параметрам, по которым сконструирован основной исходный словарь [СТЭЛ]. Планируется, что рассматриваемое в статье лексическое множество РР составит словник будущего словаря-тезауруса разговорной эмотивной лексики русского языка.

3.2. Денотативно-идеографический аспект

Этот аспект категоризации ЭЛ связан с отображением денотативного пространства эмоций, то есть с отображением самой эмоциональной сферы человека, тех эмоций и чувств, которые реально испытывает человек и осознает их как внутреннюю психологическую реальность. Их классификация осуществляется в языке с учетом базовых категорий, указывающих на основные типы эмоций, результатом которой стало выявление совокупности денотативно-идеографических групп (далее — ДИГ), отражающих конкретные эмоции, такие как любовь, страх, удивление и др. Всего в словаре [СТЭЛ] выделено 39 ДИГ эмотивной лексики.

С точки зрения количественной представленности группы эмотивной лексики в НЛЯ располагаются следующим образом (рис. 1).

В составе всего множества эмотивной литературной лексики ДИГ характеризуются разной степенью частотности, среди которых мы выделили три степени:

1) высокая частотность (6 %): Доброта (6 %), Любовь (6 %), Горе (6 %). **Всего 3 ДИГ** (18 %);

2) средняя частотность (3—5 %): Грусть (5 %), Беспокойство (5 %), Неприязнь (5 %), Радость (5 %), Смирение (4 %), Влечение (3 %), Высокомерие (3 %), Злость (3 %), Недовольство (3 %), Одобрение (3 %), Спокойствие (3 %), Чувство (3 %). **Всего 12 ДИГ** (45 %);

3) низкая частотность (1—2 %): Бесстрашие (2 %), Вдохновение (2 %), Дружба (2 %), Жалость (2 %), Жестокость (2 %), Надежда (2 %), Неверие (2 %), Неискренность (2 %), Обида (2 %), Одиночество (2 %), Равнодушие (2 %), Страх (2 %), Стыд (2 %), Счастье (2 %), Удивление (2 %), Бесстыдство (1 %), Вера (1 %), Вражда (1 %), Желание (1 %), Искренность (1 %), Любопытство (0.5 %), Настойчивость (0.5 %), Сомнение (0.5 %), Уважение (0.5 %). **Всего 24 ДИГ** (37 %).

Отметим, что количество эмотивных лексем внутри указанных групп варьируется от 68 до 593. Из них 15 из 39 ДИГ (63 %) составляют зону наиболее частотной эмотивной лексики: 3 ДИГ (ДОБРОТА, ЛЮБОВЬ, ГОРЕ) — формируют ядро (18 % лексем), 12 ДИГ — приядерную зону (45 % лексем). Остальные 24 ДИГ формируют периферию, составляющую более трети словника (37 % лексем).

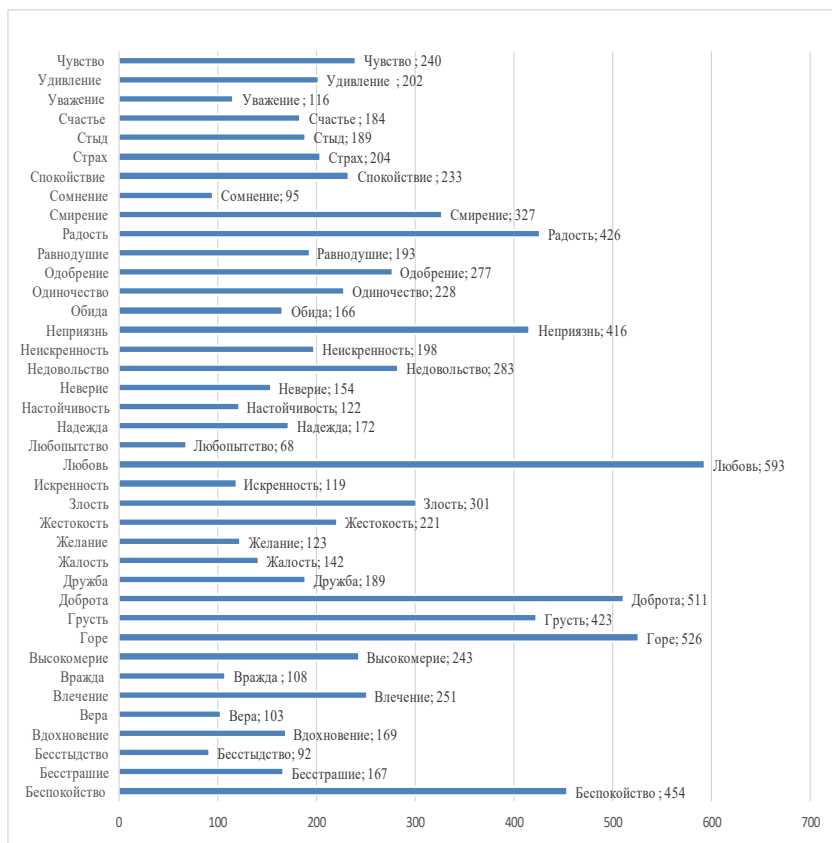

Рис. 1. Эмотивная нормативная литературная лексика
в словаре-тезаурусе «Алфавит эмоций»

Fig. 1. Emotive vocabulary of the literary language in the thesaurus of emotive lexis
“Alphabet of Emotions”

При рассмотрении разговорной эмотивной лексики также были выявлены определенные количественные тенденции ее употребления в составе разных ДИГ (рис. 2):

1) высокая частотность (6—8 %): Грусть (8 %), Любовь (7 %), Неприязнь (7 %), Горе (6 %). **Всего 4 ДИГ (28 %);**

2) средняя частотность (3—5 %): Беспокойство (5 %), Злость (5 %), Настойчивость (4 %), Стыд (4 %), Удивление (4 %), Бесстрашие (3 %), Влечение (3 %), Жестокость (3 %), Недовольство (3 %), Неискренность (3 %), Страх (3 %). **Всего 11 ДИГ (40 %);**

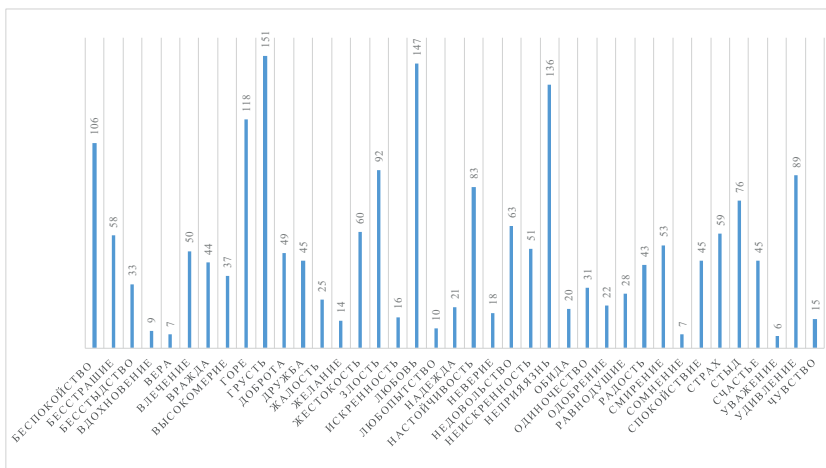

Рис. 2. Эмотивная разговорная лексика в словаре-тезауусе «Алфавит эмоций»

Fig. 2. Emotive colloquial vocabulary in the thesaurus of emotive lexis "Alphabet of Emotions"

3) низкая частотность (1—2 %): *Бесстыдство* (2 %), *Вражда* (2 %), *Высокомерие* (2 %), *Доброта* (2 %), *Дружба* (2 %), *Радость* (2 %), *Одиночество* (2 %), *Смирение* (2 %), *Спокойствие* (2 %), *Счастье* (2 %), *Жалость* (1 %), *Желание* (1 %), *Искренность* (1 %), *Любопытство* (1 %), *Надежда* (1 %), *Неверие* (1 %), *Обида* (1 %), *Одобрение* (1 %), *Равнодушие* (1 %), *Чувство* (1 %), *Вера* (0.5 %), *Вдохновение* (0.5 %), *Сомнение* (0.5 %), *Уважение* (0.5 %). **Всего 24 ДИГ** (32 %).

Количество разговорных эмотивных лексем внутри групп варьируется в диапазоне от 6 до 151 единицы. При этом 4 ДИГ: *ГРУСТЬ*, *ЛЮБОВЬ*, *НЕПРИЯЗНЬ*, *ГОРЕ* — формируют ядро (28 % лексем), 11 ДИГ — приядерную зону (40 % лексем), которые вместе составляют наиболее частотную часть эмотивной разговорной лексики, составляющую две трети лексики (68 %). Оставшиеся 24 ДИГ формируют периферию, включающую треть словника (32 %). Полученные результаты показывают, что с учетом частотности употребления эмотивная лексика конструируется в пространственном измерении в формате поля. Сопоставление выявленных количественных данных наборов и частотности употребления ДИГ эмотивной лексики в нормативном литературном языке и разговорной речи обнаружило тенденции их использования в речи, как общие совпадающие, так и различающие их.

Прежде всего приведем результаты сопоставления количественной наполненности основных компонентов исследуемых множеств ЭЛ: ядра,

приядерной зоны и периферии. Результаты статистического описания показали, что в процентном отношении ядерная часть, заполняемая эмотивной лексикой с высокой степенью частотности (6—8 %) в разговорной речи больше, чем в нормативном литературном языке на 10 % (ср: РР — 28 %, НЛЯ — 18 %). Что касается самой лексики, то она пересекается, частично совпадая, частично отличаясь. Так, прежде всего отличается количество ДИГ, заполняющих ядро (см.: 3 ДИГ в РР, 4 ДИГ в НЛЯ), при этом зону совпадения представляют ДИГ ЛЮБОВЬ и ГОРЕ, зону несовпадения ДОБРОТА в составе НЛЯ, а также НЕПРИЯЗНЬ и ГРУСТЬ в РР. Отметим, что в последнем случае ядро эмотивной лексики в НЛЯ дополняется лексикой с позитивной семантикой, а ядро эмотивной лексики РР усилено лексикой с негативной семантикой.

Что касается приядерной зоны со средней частотностью лексики (3—5 %), то она в плане количественного набора ДИГ и их лексического состава примерно совпадает, незначительно преобладает эта зона в РР: 12 ДИГ (45 %) в НЛЯ и 11 ДИГ (40 %) в РР. При этом также наблюдается пересекаемость, совпадение групп в их составе (БЕСПОКОЙСТВО, ЗЛОСТЬ, НАСТОЙЧИВОСТЬ, ВЛЕЧЕНИЕ, НЕДОВОЛЬСТВО). Различие наблюдается также в составе групп с различной оценочной семантикой: в НЛЯ в зоне расхождения имеются преимущественно слова с позитивной семантикой (см.: РАДОСТЬ, СМИРЕНИЕ, ОДОБРЕНИЕ, СПОКОЙСТВИЕ), в РР преобладают слова с негативной семантикой (см.: СТЫД, НЕИСКРЕННОСТЬ, СТРАХ, ЖЕСТОКОСТЬ).

Зона дальнейшей периферии с низкой частотностью лексики (1—2 %) также незначительно отличается по наполненности (в НЛЯ 24 ДИГ, 37 %; чуть меньше — в РР: 24 ДИГ, 32 %). Она представлена достаточно большим количеством ДИГ и в НЛЯ, и в РР, которые в своем большинстве совпадают, но при этом имеются и несовпадения, которые хотелось бы отметить. В НЛЯ периферия заполняется лексемами из ДИГ с позитивной и негативной семантикой, но с преобладанием последней (см.: БЕССТРАШИЕ, НАДЕЖДА, СЧАСТЬЕ, УДИВЛЕНИЕ, ЖЕСТОКОСТЬ, НЕВЕРИЕ, НЕИСКЕННОСТЬ, РАВНОДУШИЕ, СТРАХ, СТЫД, БЕСТЫДСТВО). В РР наоборот: на периферии доминируют ДИГ преимущественно положительного спектра эмоций, которые не актуальны для нее (см.: ДОБРОТА, РАДОСТЬ, СМИРЕНИЕ, СПОКОЙСТВИЕ, ОДОБРЕНИЕ, ВЕРА).

Итак, в денотативно-идеографическом поле эмоций были выделены ДИГ, формирующие ядро, приядерную зону и зону периферии. Количественная наполненность частотного центра и периферии в РР и НЛЯ, как было выявлено в ходе исследования, оказалась неравномерна. Так, 15 из 39 ДИГ в РР включают в свой состав около 70 % разговорной лексики,

преимущественно относящейся к лексике с отрицательной эмоционально-оценочной семантикой, в то время как в НЛЯ частотный центр (15 из 39 ДИГ) почти в равной степени сформирован как положительными, так и отрицательными эмотивами. Отметим, что группы, в состав которых входят лексемы с положительной семантикой, в области РР находятся в зоне периферии и занимают всего 12 %. Как было отмечено ранее, представленность эмотивной лексики в составе НЛЯ и РР в целом совпадает, но наряду с этим наблюдаются и некоторые различия в области определения доминирующей эмотивно-оценочной семантики каждого из множеств. К группам эмотивной лексики с высокой частотностью в НЛЯ были отнесены 3 ДИГ: ДОБРОТА (6 %), ЛЮБОВЬ (6 %) и ГОРЕ (6 %), что в совокупности составило 18 % от общего количества лексем. В РР частотный центр представлен большим числом групп — 4 ДИГ, составляющими 28 % от общего числа лексем: ДИГ ГРУСТЬ (8 %), ДИГ ЛЮБОВЬ (7 %), ДИГ НЕПРИЯЗНЬ (7 %), ДИГ ГОРЕ (6 %).

В ходе анализа было установлено, что некоторые группы эмотивной лексики не совпадают по своему количественному составу в НЛЯ и РР. Так, количественная представленность ДИГ ДОБРОТА в РР составила всего 2 % (низкая частотность), в то время как в НЛЯ лексика с семантикой доброты входит в группу с самой высокой частотностью — 6 %. Различия наблюдаются и в количественном соотношении разговорной и нормативной лексики, входящей в ДИГ РАДОСТЬ: низкая частотность употребления лексики радости в РР (2 %) и средняя — в НЛЯ (5 %). Представленные количественные данные подтверждают тезис о преобладании эмотивной лексики с негативной семантикой в сфере РР. Употребление лексики с положительной оценочной семантикой доброты, радости для РР не характерно.

3.3. Когнитивно-деривационный аспект

Этот аспект позволяет рассматривать эмотивную лексику с точки зрения *когнитивных стратегий* отображения эмоций и их интерпретаций, основывающихся на анализе вариантов регулярного семантико-грамматического варьирования лексики эмоций. При этом важную роль играет когнитивный комплекс признаков, характеризующих ЭЛ различных ДИГ, обуславливающий аспекты интерпретации. Всего отмечается наличие 8 параметров регулярной когнитивно-деривационной интерпретации эмоций [Бабенко 2021, с. 19—25], к которым относятся репрезентации эмоций как 1) эмоционального состояния (*страсть, любовь-морковь*), 2) эмоционального отношения (*любить, влюбиться*), 3) становления эмоционального состояния и отношения (*разлюбить, пристраститься*), 4) эмоционального воздействия (*влюбить, присушить*, перен.), 5) внешнего выражения эмоций (*ласкать, ластиться*), 6) эмоциональной характеристики (*страстный, сердешный*),

7) эмоционального качества (*влюбчивость, привязчивость*), 8) человека как носителя эмоций (*поклонник, воздыхатель, волокита*).

В плане структурной организации с учетом указанного когнитивно-деривационного параметра ДИГ неоднородны. Они могут представлять собой полную парадигму интерпретационных вариантов, а могут быть неполными, сокращенными. Анализ материала позволил выявить различия в характере интерпретации эмотивной лексики в нормативном и разговорном вариантах языка.

Рассматривая эмотивную лексику в составе НЛЯ, мы можем отметить преобладающее большинство групп с полной парадигмой интерпретационных вариантов. К подобным ДИГ, составляющим большую часть словаря (23 ДИГ, около 70 %), относятся: БЕСПОКОЙСТВО, ВДОХНОВЕНИЕ, ВЕРА, ДОБРОТА, ДРУЖБА, ЖЕЛАНИЕ, ЖЕСТКОСТЬ, ЛЮБОВЬ, ЛЮБОПЫТСТВО, НАДЕЖДА, НЕВЕРИЕ, НЕДОВОЛЬСТВО, НЕПРИЯЗНЬ, ОБИДА, ОДИНОЧЕСТВО, ОДОБРЕНИЕ, РАВНОДУШИЕ, СМирЕНИЕ, СОМНЕНИЕ, СПОКОЙСТВИЕ, СТРАХ, СЧАСТЬЕ, УДИВЛЕНИЕ.

Исследование эмотивной лексики РР в подобном аспекте показало, что количество групп с полной интерпретационной парадигмой в ее составе значительно уступает количеству аналогичных ДИГ в составе НЛЯ. Всего три ДИГ (19 % лексики) содержат все восемь вариантов когнитивно-деривационной интерпретации эмотивной лексики: БЕСПОКОЙСТВО, ЛЮБОВЬ, НЕПРИЯЗНЬ. Эти же ДИГ ранее отмечались нами как самые частотные в РР, составляющие ее ядро. При этом отмечается неполнота когнитивно-деривационной интерпретации большинства ДИГ.

В качестве примера полной парадигмы интерпретации эмоций обратимся к ДИГ ЛЮБОВЬ, одной из доминирующих по лексическому набору лексем в РР, в которой представлены все парадигматические когнитивно-интерпретационные варианты парадигмы: эмоциональное состояние (*горячка, любовь-морковь, страстишка* и др.), становление эмоционального состояния (*приохотиться, пристраститься* и др.), эмоциональное воздействие (*закадрить, кадрить, подлипать, приохотить, присушивать* и др.), эмоциональное отношение (*бегать, волочиться, высохнуть, интрижка, подсластиться, прилепиться, сохнуть* и др.), эмоциональная характеристика (*конфетный, сладкий, сахарный* и др.), эмоциональное качество (*запал, приветливость, темпераментность* и др.), человек как средоточие и носитель эмоции (*герлфренд, голубушка, голубчик, касатик, лапушка, курочка, милаша* и др.), внешнее выражение эмоций (*ластиться, миловать, ухажерство, чмокать, чмокаться* и др.).

С точки зрения количественной характеристики рассматриваемая ДИГ в области РР с учетом соотношения когнитивно-деривационных вариантов

представлена следующим образом: доминирующей является лексика, обозначающая человека как носителя эмоции (30 %), а также лексика с семантикой эмоционального отношения (24 %), в меньшей степени представлена семантика эмоциональной характеристики (12 %), внешнего выражения (10 %). Группы лексики с семантикой эмоционального воздействия, состояния и качества включают в себя незначительное количество единиц. Приведенные статистические данные обнаруживают в разговорной лексике с семантикой любви тенденцию к выдвиганию образа человека, его характеристики, переживания любви как эмоционального отношения в центр отображаемой эмоции.

Сопоставив полученные данные с аналогичной группой в НЛЯ, мы пришли к выводу о том, что категоризация лексики любви в литературном языке осуществляется иначе: доминирующую позицию занимает интерпретационный вариант внешнего выражения эмоции (21,5 % — *ворковать, жгучий, ласка, лобзание, лнуть, объятие, прильнуть, сердечный* и др.), далее в равной степени представлены ДИГ эмоционального отношения (19 % — *гулять, желать, интрига, ответ, пригласиться* и др.) и человека как носителя эмоции (18 % — *богиня, герой, дорогой, друг, кумир, любимая, обольститель*). Группы лексики с семантикой эмоциональной характеристики (8 % — *дорогой, жаркий, жгучий, женолюбивый, задорный, кокетливый, ласковый*) и эмоционального воздействия (8 % — *завораживать, заколдовать, закружить, зачаровать, изнеживать, нежить*), лексика с семантикой становления эмоционального состояния и эмоционального качества представлены значительно меньше. Это показывает, что в НЛЯ когнитивная стратегия отображения любви связана в первую очередь с ее внешним выражением в мимике, жестах и телодвижениях разного рода.

Принимая во внимание отмеченные выше особенности, мы можем утверждать, что модель интерпретации эмотивной лексики в НЛЯ и РР в целом совпадает: сходство обнаруживается в совпадении самого набора — наличия восьми основных когнитивно-derivационных вариантов интерпретации эмоций как в РР, так и в НЛЯ. Специфические особенности обнаруживаются в выборе доминирующего интерпретационного варианта, а также в количественной представленности остальных вариантов в составе различных ДИГ лексики эмоций.

Отметим, что концептуализация конкретных групп эмоций может быть реализована не в полной мере, частично, когда в ДИГ наблюдается отсутствие одного или нескольких интерпретационных вариантов. В таком случае они воплощаются в виде неполных парадигм и когнитивно-derivационной интерпретации эмоций. Примечательно, что в РР в доминирующей по количественному составу ДИГ ГРУСТЬ отсутствует интерпретационный

вариант эмоционального отношения. Специфика данной группы заключается в том, что передача эмоции грусти осуществляется в первую очередь лексикой, входящей в функционально-семантический класс эмоционального состояния (*занудно, муторно, паршиво, погано, сгрустнуться, смурной, тягомотина, унывный*). В НЛЯ данная группа также доминирует по количеству лексем, но при этом также имеет неполную парадигму когнитивно-деривационной интерпретации с отсутствующим вариантом эмоционального отношения, что связано с самой природой отображаемой эмоции, которая замкнута в субъекте и не имеет направленности на кого-, что-либо (*мрачность, навязчивость, пессимизм, унывать*). Таким образом, прослеживается сходство в когнитивной стратегии интерпретации грусти в НЛЯ и РР.

Приведем примеры других ДИГ, в которых также наблюдается частичное совпадение определенных вариантов интерпретации в РР и НЛЯ при отсутствии одной или нескольких когнитивных стратегий отображения эмоции.

В ДИГ БЕССТРАШИЕ отсутствует класс эмоционального воздействия, поскольку бесстрашие представляет собой эмоциональное качество человека, замкнутое в субъекте и характеризующее его внутренний мир. Данная группа в большей степени интерпретирована как эмоциональное качество и эмоциональная характеристика (РР: *безбашенный, безбоязный, бесшабашный, буйный, лихач, лихой, рисковый, удалой, ухарь* и др.; НЛЯ: *бравый, героически, осмелиться, отважиться, решиться* и др.).

ДИГ ВЛЕЧЕНИЕ также представляет собой неполную парадигму интерпретации эмоций, в которой отсутствует когнитивно-деривационный вариант внешнего выражения эмоций, что обусловлено особым характером данного чувства: влечение, являясь внутренним, скрытно протекающим эмоциональным переживанием, обычно не проявляется внешне и соответственно не поддается интерпретации в данном аспекте. Доминирующими вариантами когнитивно-деривационной интерпретации в данной группе являются: эмоциональное воздействие (РР: *вязать, вmeshивать, тягивать, впутывать, втянуть, запутывать, сманивать*; НЛЯ: *завлечь, завоевать, заманить, зачаровать*), эмоциональное состояние (РР: *горячка, маньячество, помешательство, пунтик, слабость*; НЛЯ: *пыл, соблазн, пристрастие, страсть*), становление эмоционального состояния (РР: *вязаться, вmeshиваться, впутываться, заболеть, помешаться*; НЛЯ: *вовлекаться, впитаться, заинтересоваться, привыкнуть, пристраститься*). Обобщая все вышесказанное, отметим, что полнота интерпретационных вариантов мотивирована как в РР, так и в НЛЯ не количественной представленностью, а, как правило, спецификой самих отображаемых эмоций.

Сопоставление лексического множества эмотивной лексики РР с аналогичной лексикой в НЛЯ обнаруживает различия в характере, объеме и

полноте интерпретации эмоций. Например, ДИГ ВДОХНОВЕНИЕ не является характерной для РР. Можно предположить, что номинация состояния творческого волнения в бытовом, неформальном общении не реализуется. Отметим, что подобное состояние творческого взлета характерно, как правило, для представителей науки, культуры и искусства — людей, которые в спонтанной речи не прибегают к использованию разговорной лексики. Так, входящая в состав ДИГ ВДОХНОВЕНИЕ разговорная лексика представлена только как эмоциональное состояние (*запал, опьянелый, тащиться*), эмоциональная характеристика (*обалденно, обалденный*), в то время как нормативная литературная лексика данной группы представлена в виде полной парадигмы интерпретации.

К группам, отличающимся набором интерпретационных вариантов в области РР от аналогичных групп нормативной лексики, относятся также ДИГ ВЕРА, ИСКРЕННОСТЬ.

Принимая во внимание низкую количественную представленность чувства веры в РР (менее 1 %), мы можем предположить, что чувство глубокой уверенности, убежденности в правильности чего-либо не имеет должного отражения в РР в силу специфики данной эмоции, которая не имеет особых внешних проявлений, столь важных для этого типа речи. Подтверждением служит собранный языковой материал: лексика веры в РР представлена единичными вкраплениями в классе эмоциональной характеристики (*вкусовщина, обстоятельный*), становления эмоционального состояния (*приручиться*).

Лексика, отображающая эмоциональное качество искренности, также немногочисленна и интерпретируется в РР как эмоциональное качество (*простота, простоватость*), эмоциональная характеристика (*простецкий, простоватый*), внешнее выражение эмоции (*впрямую, напрямик, начистоту, прямо*), человек как носитель эмоции (*простак, простыня*).

Итак, в области РР прослеживается тенденция к преобладанию отрицательной лексики над положительной, поэтому выражение таких чувств и состояний, как вера, вдохновение и искренность, как правило, для нее нехарактерно. Основными интерпретационными вариантами для вышеперечисленных групп становятся следующие: эмоциональное отношение, человек как носитель эмоции, внешнее выражение эмоции. В то же время в НЛЯ каждая из перечисленных ДИГ имеет полную парадигму интерпретации.

Рассматривая в совокупности все варианты интерпретации эмоций, отметим, что в РР с учетом количественной представленности они располагаются следующим образом:

1. Внешнее выражение эмоции — 22 % (*беситься, мельтешиться, сукоташиться, ершиться, хорохориться, бузить, напускаться, цапаться,*

надуться, остолбенеть, скулить, взорваться, чмокать, кобениться, отмахиваться и др.);

2. Эмоциональная характеристика — 19 % (*ворчливый, кислый, мутный, каверзный, сладкий, гадостный, мерзкий, никчemuшный, поганый, тошнотный и др.);*

3. Эмоциональное состояние — 18 % (*бешенство, встряска, заваруха, мандраж, мерзко, паскудно, погано, уморительно и др.);*

4. Эмоциональное отношение — 14 % (*гоняться, рваться, воевать, дебош, контры, скандал, содомиться, тарарам, поблажка, подмасливать, потакание, распушить, знаться, поладить и др.);*

5. Эмоциональное воздействие — 14 % (*взвинтить, всполохнуть, грызть, докучать, надоумить, подбить, подзуживать, подучить, раззадоривать, разогреть, удручать, впутать и др.);*

6. Становление эмоционального состояния и отношения — 14 % (*замахнуться, набираться, расхрабриться, охаметь, обалдевать, ввязываться, вмешиваться, навидаться и др.);*

7. Человек как средоточие и носитель эмоции — 13 % (*баламут, бедняга, вздорщик, зазнайка, зануда, злодей, истеричка, лихач, сорвиголова, хват, ухарь и др.);*

8. Эмоциональное качество — меньше 1 % (*бесшабашность, нахрапистость, разухабистость, повадка, настырность, непокорливость, непослушливость, стержовность и др.).*

3.4. Синонимико-антонимические комплексы (далее — САК) как проявление ментальной интеграции эмоций в разговорной речи

В ходе анализа было установлено, что некоторые ДИГ разговорной эмотивной лексики по своей природе оппозитивны и представлены в виде следующих антонимических комплексов: РАДОСТЬ (43) — ГРУСТЬ (151), ЛЮБОВЬ (147) — НЕПРИЯЗНЬ (136), БЕСПОКОЙСТВО (106) — СПОКОЙСТВИЕ (45), ВРАЖДА (44) — ДРУЖБА (45), ИСКРЕННОСТЬ (16) — НЕИСКРЕННОСТЬ (51).

Отметим, что каждый отдельный случай репрезентации оппозитивных эмоций в сфере разговорной речи уникален. Рассматривая САК соотносимых эмоций, мы выделили два основных варианта их наполнения:

1. Гармоничное наполнение, при котором репрезентируется соразмерность положительных и отрицательных эмоций. К таким САК относятся ЛЮБОВЬ (147) — НЕПРИЯЗНЬ (136), ДРУЖБА (45) — ВРАЖДА (44). При этом отметим также гармоничную частеречную представленность внутри подгрупп. Так, САК ЛЮБОВЬ — НЕПРИЯЗНЬ почти в равной степени состоит из глаголов — 40 % (*амуриться, глянуться, чмокаться, влопаться — набузить, напакостить, шерстить, омерзеть, очертенеть*

и др.), существительных — 38 % (*бабник, бойфренд, воздыхатель, голубчик, касатик, милка, мордашка — сволочь, гнида, дрянь, жлоб, змеюка, падла* и др.), в меньшей степени — из прилагательных: 20 % (*амурный, сладкий, чадолюбивый, привязчивый — мерзопакостный, никчемный, отвратный, поганный, тошнотворный* и др.) и наречий (2—3 % — *по-человечески — пакостно, мерзко, мерзопакостно, отвратно, погано*).

2. Негармоничное наполнение, при котором антонимические оппозиции несоразмерно репрезентируют соотносительные эмоции с преобладанием отрицательно оценочной интерпретации: РАДОСТЬ (43) — ГРУСТЬ (151), ИСКРЕННОСТЬ (16) — НЕИСКРЕННОСТЬ (51), СПОКОЙСТВИЕ (45) — БЕСПОКОЙСТВО (106).

Сравнивая САК, выделенные в РР, с аналогичными комплексами в НЛЯ, отметим, что наблюдаются некоторые различия в отнесении их к определенным зонам наполнения. Так, в НЛЯ САК РАДОСТЬ (426) — ГРУСТЬ (423) относится к зоне с гармоничным наполнением (ср.: в РР — негармоничное наполнение); ЛЮБОВЬ (593) — НЕПРИЯЗНЬ (416) относится к зоне с негармоничным наполнением с преобладанием положительно оценочной интерпретации (ср.: в РР — гармоничное наполнение). Отметим, что имеется и сходство в выделении эмотивных парадигм: в антонимических комплексах ИСКРЕННОСТЬ (119) — НЕИСКРЕННОСТЬ (198), СПОКОЙСТВИЕ (233) — БЕСПОКОЙСТВО (454) как в разговорном, так и в нормативном литературном языке преобладают отрицательно оценочные интерпретации.

Как было отмечено ранее, в РР больше всего представлена ДИГ ГРУСТЬ, количество слов в которой — 151, что составляет 8 % от общего числа разговорных лексем. Чувство тяжести, огорчения, душевной горечи является наиболее подверженным экспрессивной, метафорической номинации в области неформального, обиходного общения. Более того, именно чувство мрачного подавленного расположения духа интенсивно по своей природе (*раскваситься*), часто внешне репрезентативно (*кислый, нудный, пресный*), способно воздействовать на объект (*допекать, донимать, заколебать*), характеризовать внутреннее состояние (*муторный, надоедный*). Такой обширный состав является вполне обоснованным, потому что внутренний мир человека прямым образом связан с внешним проявлением, а качества характера репрезентируются в виде обозначений, конкретных наименований.

ДИГ РАДОСТЬ с оппозитивной семантикой представлена в РР незначительно, что в очередной раз подтверждает тезис о меньшем употреблении разговорной эмотивной лексики с положительной семантикой. Возбужденно-радостное состояние сопровождается внешними проявлениями (*улыбчивый, ухмылка, хохма, щериться*), в момент большого удовольствия

и душевного наслаждения человек выступает носителем эмоции радости (*бодряк, жизнелюбец, шуткарь, счастливчик*).

ДИГ ЛЮБОВЬ и НЕПРИЯЗНЬ количественно представлены почти в равной степени. Отметим, что разговорная лексика в ДИГ ЛЮБОВЬ насчитывает 147 лексем, а в ДИГ НЕПРИЯЗНЬ — 136. В общей сложности, данная оппозитивная парадигма занимает 14 % словаря. Такой высокий уровень представленности позволяет рассматривать данную оппозицию как центральную в неформальной РР. Так, крайне неприятное *поганое* состояние, которое может быть вызвано *пакостным* поступком, *гадкими* словами кого-либо, полностью противоположно по своей природе *сладкому* чувству, когда человек *сохнет* по кому-либо и испытывает *привязчивость* к своему *воздыхателю*.

Таким образом, исследование материала в когнитивно-деривационном аспекте с учетом механизмов ментальной интеграции также показало, что основу рассматриваемого множества слов в РР составляет эмотивная лексика с негативной семантикой.

3.5. Функционально-семантический аспект

Следует отметить большой процент разговорной лексики в переносном значении, используемой для отображения эмоций как в разговорной речи, так и в литературном языке. Как показывает анализ, количество лексем в переносном значении в НЛЯ составляет порядка 24 %, в РР — 16 %, что позволяет утверждать, что РР активно пополняется за счет лексем с метафорически-производным значением. В ходе анализа эмотивной разговорной лексики было выявлено 335 лексем в переносном значении. Отметим, что при распределении метафорически-производной лексики в составе РР по ДИГ выявляются определенные тенденции. Так, большинство переносных значений отмечается в 6 ДИГ, которые в совокупности составляют около половины словника (42 %): БЕСПОКОЙСТВО, ГОРЕ, ГРУСТЬ, ЛЮБОВЬ, НЕПРИЯЗНЬ, СТЫД. Оставшиеся 58 % приходятся на 33 ДИГ, среди которых есть группы, наименее подверженные метафорической номинации (1 % и менее): ВЕРА — *приручаться, приручать*; ВДОХНОВЕНИЕ — *запал, опьянелый*; ЖЕСТОКОСТЬ — *опоганить, поганить, звериный, кровожадный*; ИСКРЕННОСТЬ — *нескованность, нескованный*.

В качестве иллюстративного примера обратимся к ДИГ БЕСПОКОЙСТВО — одной из самых многочисленных групп с большим процентом метафорически-производных значений (42 %). Ранее мы выявили, что модели формирования метафор беспокойства основываются на ментальной интеграции эмотивной семантики с семантикой конкретно-физических проявлений внешнего мира действительности и физиологических проявлений существования человека [Бабенко и др., 2023, с. 38]. При метафорической

репрезентации беспокойства используется лексика различных денотативных сфер: лексика физиологического состояния человека — болезни (*горячка, разгоряченный, лихорадка, лихорадить, зудеть, расстраивать* и др.), психического состояния (*психоз, бешеный, невменяемый*), состояния опьянения (*пьяный, опьянелый, хмельть, охмелять, хмелить*). В группе функционального состояния природных объектов чаще всего используются слова, связанные со стихиями огня и воды: лексемы, описывающие процессы нагревания, повышения температуры (*накаляться, разгорячиться, горячка* и др.); теплового воздействия (*раскалять / раскалить, горячить / разгорячить, парить* и др.); горения (*разжигать / разжечь, распаленный* и др.). Как показывает анализ, имеет место использование и лексики кипения (*кипеть, кипятиться, клокотать*), изменения функционального состояния и качества жидкости (*баламутить / набаламутить, мутить / замутить* и др.).

Примечателен тот факт, что оппозитивная по семантике группа слов ДИГ СПОКОЙСТВИЕ имеет похожие принципы моделирования метафорически-производных значений. В ходе анализа было выявлено, что основными сферами-источниками, обогащающими эмотивное множество СПОКОЙСТВИЕ и моделирующими в нем метафорически-производные значения, стали денотативные сферы состояния и конкретной физической деятельности. Наиболее характерными стали пересечения с лексикой функционального состояния окружающей среды: свечение (*просветлеть, светлеть, светлый*), состояния окружающей среды (*безбурный, безбурно, безоблачный, прояснеть, холодный*), понижения температуры объекта (*остывать, остыть, остынуть*). В образном представлении спокойствия также участвует лексика, связанная с процессами тепловой активности: нагревания (*согреть, отогреться, остынуть*), кипения (*перекипать, перекипеть*). Сферой-источником метафорической номинации спокойствия является и физиологическое состояние человека. В ней преимущественно использованы группы, характеризующие психическое состояние человека (*перебеситься, притихнуть, укротиться, укрощаться, покойный*); состояние болезни (*простынуть, простыть*). Сфера «Конкретная физическая деятельность», участвующая в метафорической номинации спокойствия, представлена следующими группами: уменьшение веса (*облегчаться, облегчение, облегчиться*), отсоединение (*отвязаться, отвязываться, отцепиться, отцепляться*), выпрямление (*выравнивать, выровнять*). Лексика из сферы «Движение» представлена незначительно: *отставать, отстать, уходить*.

3.6. Функционально-стилистический аспект

Следует отметить, что ДИГ разговорной эмотивной лексики различаются не только типом отображаемых эмоций, но и их функционально-

стилистической и эмоционально-экспрессивной неоднородностью. В составе эмотивной лексики прослеживаются определённые тенденции использования эмоционально-оценочных коннотаций и функционально-стилистических характеристик. Так, было выявлено, что для РР характерны в основном негативные коннотации, при этом была обнаружена регулярность совмещения определенных функционально-стилистических и эмоционально-оценочных помет. Самым частотным типом стало совмещение функционально-стилистической пометы *разг. / разг.-сниж.* и эмоционально-оценочной *неодобр.* Этот факт позволяет утверждать, что для разговорной речи характерны эмоциональные коннотации с оценкой неодобрения. Всего в составе словаря насчитывается 25 подобных совмещений, что служит подтверждением тезиса о преобладании отрицательных коннотаций в сфере РР русского языка. По основанию «тип эмоции» совмещенные модели встречаются в ДИГ БЕСПОКОЙСТВО (*истеричный, истерия, истеричка, истеричность*), БЕССТРАШИЕ (*лихач, бравада, лихачество*), ГРУСТЬ (*кислолицый, кислый, липкий, липучий*), ЖАЛОСТЬ (*нытье, стонать*), ЛЮБОВЬ (*юбочник, страстишка*), РАВНОДУШИЕ (*твердокожий, толстокожий, повадиться*). Характерными когнитивно-деривационными моделями интерпретации, отражающими регулярные параметры переживания эмоций, в подобном сочетании являются эмоциональное качество, внешнее выражение эмоции и человек как носитель эмоции.

В меньшей степени представлено сочетание функционально-стилистической пометы *разг. / разг.-сниж.* и эмоционально-оценочной пометы *пренебр.* Лексическими репрезентантами подобной совмещенной модели становятся лексемы, входящие в ДИГ ЛЮБОВЬ и СМИРЕНИЕ: *интрижка, страстишка, любовь-морковь, цаца, задавала; бесхребетный, мягкотелый, тряпичный, бесхребетность, сюнтяйство*. Рассматриваемые лексемы выражают оскорбительно-неуважительное эмоциональное отношение легкой степени к кому-, чему-либо.

Разговорная и разговорно-сниженная ЭЛ также обладает негативными коннотациями с оттенком презрения: *мразь, скот, скотина, супостат, тварь*; грубой оскорбительной оценки лица (эмоционально-оценочные пометы *бран., груб.*): *проклятуций, зараза, каналья, козел, паршивец, поганец, подонок, кобель, осточерть*. Данные лексемы выражают уже оскорбительно-неуважительное отношение крайней степени и находятся за пределами литературного языка.

В РР присутствуют и нейтральные единицы, а также лексемы с положительными коннотациями, отображающие оценочное отношение говорящего к тому или иному объекту в сфере коннотации. Основными моделями совмещения становятся:

1. Функционально-стилистическая помета *разг. / разг.-сниж.* + эмоционально-оценочная *шутл.* В данном случае помета указывает на выражение словом доброй, легкой насмешки. К числу ДИГ, включающих в себя совмещение подобных коннотаций, относятся ДИГ ЛЮБОВЬ (*амуры, амурный, воздыхатель, втюриться, книгоед, книгожора, симпатия, жаловат*), ДИГ ОДОБРЕНИЕ (*благословлять, хвальба*), ДИГ СЧАСТЬЕ (*везунок, везунчик, кейф, кейфануть, кейфовать*).

2. Функционально-стилистическая помета *разг. / разг.-сниж.* + эмоционально-оценочная *ирон.* Данная помета выражает легкую язвительную насмешку: *дутьцина, бодрячок, паинька, пай-мальчик*.

3. Функционально-стилистическая помета *разг. / разг.-сниж.* + эмоционально-оценочная *ласк.* Совмещение данных помет указывает на выражение любви, доброго теплого отношения, нежности: *сердешный, дичок, смиреннький, соколик, трусишка*.

Результаты исследования показывают, что подобные модели совмещения функционально-стилистических помет и эмотивных смыслов, относящихся к разным макрокомпонентам эмотивного значения (денотации и коннотации), позволяют отображать как репрезентации самих эмоций, так и одновременно эмоционально-оценочное к ним отношение.

4. Заключение = Conclusions

Итак, эмотивная разговорная лексика русского языка, являясь подсистемой литературного языка, с одной стороны, совпадает с ним в общей структурной организации лексико-семантического пространства, с другой стороны, во многом отличается от него и имеет свои особенности репрезентации. Она представляет собой обширную мегапарадигму единиц, определенным образом организованных в пространственном измерении в аспекте полипарадигмальности, то есть с различных научных позиций, что позволило представить ее как многомерное лексико-семантическое пространство и выявить закономерности и особенности ее категоризации, концептуализации и интерпретации. Основными аспектами рассмотрения материала стали следующие: лингвокогнитивный, денотативно-идеографический, когнитивно-деривационный, ментально-интегративный, функционально-семантический и функционально-стилистический. Каждый отдельный аспект при этом стал в то же время основанием выделения определенного этапа в модели анализа эмотивной лексики в РР, осуществляемого в сопоставлении с подобной лексикой НЛЯ. Объектом рассмотрения в статье стала эмотивная лексика словаря «Алфавит эмоций» общим объемом 11 210 единиц, в том числе 2073 единицы, принадлежащие лексике разговорной речи. На всех этапах анализа осуществлялось статистическое

описание материала, что позволило, во-первых, выявить общую структурную организацию эмотивной лексики в РР в сопоставлении с НЛЯ, во-вторых, обнаружить количественные тенденции разговорных эмотивных лексем в составе различных множеств на разных этапах анализа с учетом аспектов их рассмотрения.

Так, в *лингвокогнитивном* аспекте вся эмотивная разговорная лексика русского языка представлена как совокупность лексем, объединенных в единую мегапарадигму — объемное КДМ слов, в семантике которых в различном формате закреплены знания об эмоциях, когнитивных механизмах их отображения в структуре эмотивных значений, особенностях их категоризации, концептуализации, обуславливающих саму системную организацию эмотивной лексики.

С точки зрения *денотативно-идеографического* подхода данное КДМ рассмотрено и интерпретировано в соотнесенности с реально существующими эмоциями внутреннего мира человека, что позволило выявить 39 ДИГ эмотивной лексики. Было обнаружено, что оно неоднородно и отличается частотностью лексем в составе различных ДИГ. Использование в качестве пространственного измерения концепции поля позволило выявить его ядро, приядерную зону и периферию. Статистическое описание лексического наполнения этих зон поля в РР, результаты которого были рассмотрены в сопоставлении НЛЯ, позволило выявить закономерности и особенности организации денотативно-идеографического пространства эмотивной лексики в РР. Было обнаружено, что зона ядра поля эмотивной лексики в РР по количеству групп и набору лексем значительно превышает зону ядра в НЛЯ (см.: в РР — 4 ДИГ, 28 %; в НЛЯ — 3 ДИГ, 18 %), она фактически занимает треть всего множества в РР и включает на 10 % больше лексем, чем в НЛЯ. При этом составы указанных ДИГ отличаются по эмоционально-оценочной доминанте: в РР в составе ядра преобладают ДИГ с негативной семантикой: ГРУСТЬ, ГОРЕ, НЕПРЯЗНЬ, ЛЮБОВЬ; в НЛЯ — с положительной семантикой: ДОБРОТА, ЛЮБОВЬ, ГОРЕ.

Интересны данные, касающиеся наполнения периферийной зоны денотативно-идеографического пространства, в котором, с одной стороны, есть зона пересечения, совпадения ДИГ в НЛЯ и РР, включающая 6 групп: БЕСПОКОЙСТВО, ЗЛОСТЬ, НАСТОЙЧИВОСТЬ и др. С другой стороны, есть непересекающиеся группы, преимущественно обладающие оппозитивной семантикой по отношению к ядру пространства. Так в составе 24 ДИГ, которые ее формируют в РР (32 % лексики), находится лексика с положительной эмотивной семантикой, характеризующаяся минимальной частотностью (ДИГ РАДОСТЬ, УВАЖЕНИЕ, ВЕРА, НАДЕЖДА, ДОБРОТА, ОДОБРЕНИЕ и др.) на фоне самой употребительной лексики с негативной эмотив-

ной семантикой (ГРУСТЬ, НЕПРИЯЗНЬ, ГОРЕ). Эта тенденция: доминанта эмотивной лексики с негативной семантикой — является типичной для РР, и, как показал анализ, она проявляется и в организации других множеств эмотивной лексики на всех основных этапах ее исследования.

Исследование материала с позиций *когнитивно-derivационного подхода* в области разговорной речи показало, что количество групп с полной интерпретационной парадигмой значительно уступает аналогичным группам в составе НЛЯ. Рассмотрение эмотивной разговорной лексики в указанном аспекте показало, что к ДИГ, включающим все восемь вариантов интерпретации эмоций, можно отнести всего 3 ДИГ (19 %): БЕСПОКОЙСТВО, ЛЮБОВЬ, НЕПРИЯЗНЬ (ср. В НЛЯ — 70 %), — остальные характеризуются неполной парадигмой вариантов интерпретации. Наиболее частотными вариантами когнитивно-derivационной интерпретации эмоций во всем множестве лексики в РР стали варианты внешнего выражения эмоции, отношения, характеристики и номинации человека как носителя эмоций.

С точки зрения аспекта *ментальной интеграции* эмотивная лексика в целом отличается актуализацией отношений противоположности, обусловленных обязательным наличием в ее семантике оценочных компонентов: положительного и отрицательного, которые соответственно формируют САК в ее концептуальном пространстве. Как в РР, так и в НЛЯ репрезентации САК характеризуются своеобразием, имеют свою специфику. С точки зрения количественной представленности доминирующими являются, например, комплексы ЛЮБОВЬ — НЕПРИЯЗНЬ (147—136), ДРУЖБА — ВРАЖДА (45—44), в которых наблюдается гармоничное лексическое наполнение ДИГ, репрезентирующее соразмерность положительных и отрицательных эмоций. Пример негармонического САК: РАДОСТЬ — ГРУСТЬ.

Функционально-семантический аспект анализа был нацелен на выявление тенденций ассоциативно-образной метафорической номинации эмоций. Как показал анализ, в разговорной речи активно развиваются переносные значения, при этом распределение метафорически-производной лексики в составе РР отличается регулярностью и опирается на определенные метафорические проекции. Так, большинством переносных значений было отмечено в шести ДИГ: БЕСПОКОЙСТВО, ГОРЕ, ГРУСТЬ, ЛЮБОВЬ, НЕПРИЯЗНЬ, СТЫД, — которые в совокупности составили около половины словника (42 %), в остальных 33 ДИГ реализовано 58 % переносных значений.

Анализируя РР с точки зрения *функционально-стилистического аспекта*, мы обнаружили, что для разговорной лексики характерны в основном негативные коннотации. Более того, для эмотивной разговорной

лексики свойственно обогащение эмотивной семантики за счет комплекса эмоционально-оценочных коннотаций и функционально-стилистических характеристик. Самым частотным стало совмещение функционально-стилистической пометы *разг. / разг.-сниж.* и эмоционально-оценочной *неодобр.*

В целом проведенное исследование эмотивной лексики в РР, основанное на принципе полипарадигмальности, позволило раскрыть и показать сложную многопараметровую организацию этого множества слов, способного передавать в устной речи все многообразие внутренне переживаемых эмоций, испытываемых человеком и внешне проявляемых в жестах, мимике, речи, поведении и пр., то есть в полной мере отображать их и формировать вариант языковой картины мира в сфере РР, что особенно важно и актуально для разработки и создания нового лексикографического проекта: идеографического словаря-тезауруса разговорной эмотивной лексики.

<p>Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.</p> <p>Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.</p>	<p>Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.</p> <p>The authors declare no conflicts of interests.</p>
--	--

Источники и принятые сокращения

1. СТЭЛ — *Алфавит эмоций* : словарь-тезаурус эмотивной лексики / Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2021. — 432 с. — ISBN 978-5-6041789-2-8.
2. ТСРРР — *Толковый словарь русской разговорной речи [Текст]* / Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под ред. Л. П. Крысина. — Москва : Языки славянской культуры (ЯСК), 2014. — 820 с. — ISBN 978-5-9500885-9-9.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. — Москва : Прогресс, 1990. — С. 5—32.
2. Бабенко Л. Г. Алфавит эмоций : словарь-тезаурус эмотивной лексики / Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2021. — С. 19—25. — ISBN 978-5-6041789-2-8.
3. Бабенко Л. Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении : динамика интерпретаций / Л. Г. Бабенко // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 9—47. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-9-47.
4. Бабенко Л. Г. Чувство беспокойства в метафорическом зеркале / Л. Г. Бабенко, В. В. Данилова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2023. — Т. 20. — № 1. — С. 35—40. — DOI: 10.14529/ling230105.
5. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга : свыше 12000 слов и выражений, арг, жаргоны / В. С. Елистратов. — Москва : АСТ-Пресс : АСТ-Пресс Книга, 2005. — 668 с. — ISBN 5-462-00441-9.

6. Ермакова О. П. Слова, с которыми мы все встречались : Толковый слов. рус. общ. жаргона / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина. — Москва : Азбуковник, 1999. — 273 с.
7. Земская Е. А. Русская разговорная речь [Текст] / Е. А. Земская. — Москва : Наука, 1973. — 485 с.
8. Земская Е. А. Русская разговорная речь : Общ. вопр. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. — Москва : Наука, 1981. — 276 с.
9. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Тексты / Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. — Москва : Наука, 1978. — 307 с.
10. Китайгородская М. В. Русский речевой портрет : Фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Москва : Наука, 1995. — 127 с.
11. Кормилицина М. А. Глагольные словосочетания на основе управления в русской разговорной речи : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. (660) / М. А. Кормилицина. — Саратов, 1972. — 17 с.
12. Крысин Л. П. Предисловие / Л. П. Крысин // Толковый словарь русской разговорной речи. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — С. 9—11. — ISBN 978-5-9905856-5-2.
13. Курилова А. Д. Толковый словарь разговорного русского языка : около 3500 слов / А. Д. Курилова. — Москва : АСТ : Астрель, 2007. — 639 с. — ISBN 978-5-17-042802-1.
14. Никитина Т. Г. Толковый словарь молодежного сленга : слова, непонятные взрослым : около 2000 слов / Т. Г. Никитина. — Москва : Астрель : АСТ, 2006. — 734 с. — ISBN 5-17-015420-8.
15. Розанова Н. Н. Суперсегментные средства русской разговорной речи : на материале ударения в потоке речи : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. Н. Розанова. — Москва, 1978. — 229 с.
16. Сиротинина О. Б. Русская разговорная речь : Пособие для учителя / О. Б. Сиротинина. — Москва : Просвещение, 1983. — 80 с.
17. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В. В. Химик. — Санкт-Петербург : Норинт, 2004. — 762 с. — ISBN 5-7711-0202-4.
18. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2003. — 377 с. — ISBN 5937860489.

Статья поступила в редакцию 02.11.2023,
одобрена после рецензирования 10.12.2024,
подготовлена к публикации 07.03.2024.

Material resources

STEL — *Alphabet of emotions: dictionary-thesaurus of emotive vocabulary*. (2021). Yekaterinburg; Moscow: Cabinet Scientist. 432 p. ISBN 978-5-6041789-2-8. (In Russ.).
TSRRR — *Explanatory dictionary of Russian colloquial speech*. (2014). Moscow: Languages of Slavic Culture (YASK). 820 p. ISBN 978-5-9500885-9-9. (In Russ.).

References

Arutyunova, N. D. (1990). Metaphor and discourse. In: *The theory of metaphor*. Moscow: Progress. 5—32. (In Russ.).
Babenko, L. G. (2021). *Alphabet of emotions: dictionary-thesaurus of emotive vocabulary*. Yekaterinburg; Moscow: Cabinet Scientist. 19—25. ISBN 978-5-6041789-2-8. (In Russ.).

- Babenko, L. G., Danilova, V. V. (2023). The feeling of anxiety in a metaphorical mirror. *Bulletin of SUSU. The series "Linguistics"*, 20 (1): 35—40. DOI: 10.14529/ling230105. (In Russ.).
- Babenko, L. G. (2020). Types of Lexical Sets in Structural-Semantic, Cognitive-Discursive and Lexicographic Coverage: Dynamics of Interpretations. *Nauchnyi dialog*, 9: 9—47. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-9-47> (In Russ.).
- Chemist, V. V. (2004). *A large dictionary of Russian colloquial expressive speech*. St. Petersburg: Norint. 762 p. ISBN 5-7711-0202-4. (In Russ.).
- Elistratov, V. S. (2005). *Explanatory dictionary of Russian slang: over 12,000 words and expressions, argot, jargons*. Moscow: AST-Press: AST-Press Book. 668 p. ISBN 5-462-00441-9. (In Russ.).
- Ermakova, O. P., Zemskaya, E. A. (1999). *The words we all met: Explanatory dictionary. rus. Jargon*. Moscow: Azbukovnik. 273 p. (In Russ.).
- Kitaygorodskaya, M. V. (1995). *Russian speech portrait: Phonohrestomy*. Moscow: Nauka. 127 p. (In Russ.).
- Kormilitsina, M. A. (1972). *Verbal phrases based on management in Russian colloquial speech*. Author's abstract of PhD Diss. Saratov. 17 p. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (2014). Preface. In: *Explanatory dictionary of Russian colloquial speech*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 9—11. ISBN 978-5-9905856-5-2. (In Russ.).
- Kurilova, A. D. (2007). *Explanatory dictionary of spoken Russian: about 3,500 words*. Moscow: AST: Astrel. 639 p. ISBN 978-5-17-042802-1. (In Russ.).
- Nikitina, T. G. (2006). *Explanatory dictionary of youth slang: words incomprehensible to adults: about 2000 words*. Moscow: Astrel: AST. 734 p. ISBN 5-17-015420-8. (In Russ.).
- Rozanova, N. N. (1978). *Supersegmental means of Russian colloquial speech: based on the material of stress in the flow of speech*. PhD Diss. Moscow. 229 p. (In Russ.).
- Shvedova, N. Y. (2003). *Essays on the syntax of Russian colloquial speech*. Moscow: Azbukovnik. 377 p. ISBN 5937860489. (In Russ.).
- Sirotnina, O. B. (1983). *Russian colloquial speech: A teacher's manual*. Moscow: Prosveshchenie. 80 p. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (1981). *Russian colloquial speech: General. vopr. Word formation. Syntax*. Moscow: Nauka. 276 p. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (1973). *Russian colloquial speech*. Moscow: Nauka. 485 p. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (1978). *Russian colloquial speech*. Moscow: Nauka. 307 p. (In Russ.).

*The article was submitted 02.11.2023;
approved after reviewing 10.12.2024;
accepted for publication 07.03.2024.*